

4. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 51. Оп. 7. Д. 3030.
5. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 492. Оп. 2. Д. 581.
6. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 492. Оп. 2. Д. 350.
7. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 492. Оп. 2. Д. 152.

УДК 351.853.3(476.4)+904:726.82(476.4)«13/18»

В. В. Черевко

«СЕКРЕТНО, СРЕДИ БЕЛА ДНЯ»: ЭПИЗОД КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВА В ЧАУСОВСКОМ УЕЗДЕ В 1781 Г.¹

Аннотация. Описаны поиски клада, происходившие в Чаусовском уезде Могилёвского наместничества в 1781 г. Информация о «кладорытии» содержится в мемуарах чиновника Г. И. Добрынина, бывшего непосредственным участником поисков. Интересной подробностью является то, что поиски проводились чиновниками по секретному поручению наместника Н. Б. Энгельгардта. Местом, где предположительно был спрятан клад, являлось действующее сельское кладбище возле деревни Смолки. Информация о кладе была получена местным шляхтичем от «старых людей» и не подтвердилась. Сообщение Г. И. Добрынина содержит ценную информацию о целенаправленном нарушении погребений для поиска клада, предпринятом официальными должностными лицами.

Ключевые слова: кладоискательство, кладбище, мемуары Гавриила Добрынина, Чаусовский уезд Могилёвского наместничества.

Места последнего упокоения всегда имеют особый статус. Посещение их в определённые дни, поддержание в порядке могил умерших родственников объединяют представителей разных поколений, обеспечивают единство семьи и память о предках. В традиционной белорусской культуре регламентировались и правила поведения на кладбищах. Так, брать себе, забирать что-либо с кладбища не было принято, даже если речь идёт о ягодах или природных цветах. Сознательное ограбление могил в крестьянской среде однозначно запрещалось и осуждалось [2, с. 404–405]. Подобное отношение к погребениям сохранялось у представителей привилегированных сословий. Такое отношение к кладбищам и погребениям в целом продолжает бытовать и сейчас.

Разумеется, на старых, существующих долгое время кладбищах при захоронениях происходили случаи нарушения более ранних погребений [3, с. 124, 127]. Могло иметь место и целенаправленное нарушение погребений для подзахоронений. Но такие действия были либо ненамеренными, либо объяснялись особенностями погребальной практики (подзахоронение ребёнка в

¹Работа выполнена в рамках проекта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Погребальные памятники Полоцка XI–XVIII вв. в контексте развития синхронных некрополей Белорусского Подвинья: погребальный обряд, инвентарь, палеоантропологическая характеристика» (№ ГР 20221071 от 06.07.2022).

могилу умершего родственника) [4, с. 122–123]. Они не преследовали цели поиска ценных предметов.

Подобные представления и практика поведения не всегда распространялись на погребения, которые не воспринимались местным населением в качестве «своих». Известны случаи поиска кладов в курганах. Раскопками курганов занимались и крестьяне, и археологи-любители из числа помещиков. Такие действия, проводимые как с научной целью, так и из меркантильных интересов, были частной инициативой. Эпизод кладоискательства, произошедший в Чаусовском уезде в 1781 г., интересен как тем, что поиски клада проводились государственными служащими по поручению могилёвского наместника, так и тем, что поиски происходили на действующем кладбище. Сведения об этом случае содержатся в мемуарах Гавриила Ивановича Добрынина [1].

Г. И. Добрынин – чиновник, служивший в Могилёвском наместничестве (губернии) в конце XVIII – первой четверти XIX в. Его записки «Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная» содержат ряд любопытных зарисовок, отражающих быт провинциального чиновничества [5, с. 485]. Мемуарист дал критическую оценку некоторым губернским руководителям и описал ряд нестандартных жизненных и служебных ситуаций. Одной из таких ситуаций является эпизод с поиском клада, изложенный в параграфе с характерным названием «Кладорытие» [1, с. 141].

Началом истории, произошедшей в 1781 г., стал визит к Г. И. Добрынину его друга и коллеги Д. Р. Чугаевича, который вручил мемуаристу «секретный губернаторский ордер». В документе сообщалось, что некий шляхтич Норкевич обратился к властям с некоей информацией о кладе. В этой связи прокурору могилёвского губернского магистрата Полтавцеву и автору мемуаров предписывалось найти клад («оную поклажу»). Распоряжение было подписано Николаем Богдановичем Энгельгардтом, могилёвским наместником (губернатором) [1, с. 141–142].

Явившись в соответствии с указанием на квартиру к Полтавцеву, мемуарист нашёл его в довольно большой компании за завтраком. Компания радостно приветствовала гостя. Обсуждение «секретного» поиска, к недоумению рассказчика, велось открыто. После Полтавцев, Добрынин, Норкевич и два посторонних шляхтича на двух экипажах выехали из Могилёва по направлению к Чаусам – «секретно, среди бела дня», как иронически записал Добрынин. Заночевав в казённом имении Петровичи и затребовав там крестьян-«лопатников» для поиска клада, экспедиция прибыла на место поиска на следующее утро [1, с. 142–143].

Местом, где был зарыт клад, Норкевичем было определено действующее кладбище возле деревни Смолки Чаусовского уезда. Ещё по пути выяснилось, что информатор имеет самое неопределённое представление о кладе, который предстояло искать. Его сведения сводились к нехитрой информации: «все

старые люди знают и уверяют». По прибытии на место подозрения автора записок подтвердились. Норкевич не смог назвать место, где был закопан клад. Прокурор Полтавцев самоустранился от руководства поисками и занялся приготовлением обеда в придорожной корчме. Между тем работы ожидали сорок (!) затребованных из казённого имения крестьян. После обеда Г. И. Добрынин безуспешно попытался выведать у Норкевича хоть какие-нибудь приметы места. Услышав, что искать следует «тут на кладбище», чиновник, несмотря на скептическое отношение к этой идее, разделил крестьян попарно и велел им копать друг навстречу другу «по всему кладбищу, кому и где угодно, и где только можно» [1, с. 143–146].

«Кладорытие» продолжалось до вечера и весь следующий день. По словам мемуариста, были выкопаны не только отдельные кости, но и нарушены недавние погребения. Поиски клада на кладбище «всех живущих в окрестных селениях привели в ужас» [1, с. 146]. Никаких следов сокровища при этом не обнаружилось. На третий день участники поисков, посоветовавшись, приказали крестьянам закопать все ямы и траншеи. Неудачу экспедиции при докладе губернатору решено было объяснить недостоверностью сведений, полученных от невежественных и суеверных старых людей. Поиски на этом были завершены [1, с. 146].

Эпизод подаётся Г. И. Добрыниным в юмористическом ключе. Мемуарист осуждает жадность и корыстолюбие организаторов экспедиции, которые при этом оказались не способны организовать сам поиск. Любопытно, что являясь выходцем из семьи священника [5, с. 485] и выказывая скептическое отношение к самой возможности обнаружения клада на кладбище, автор не демонстрирует ни осуждения, ни возмущения «кладорытием» на действующем деревенском кладбище при церкви.

Таким образом, мемуары Г. И. Добрынина содержат редкое и ценное свидетельство о поисках клада, организованных по секретному поручению могилёвского наместника Н. Б. Энгельгардта в 1781 г. Поисками занимались два чиновника, якобы обладавший сведениями о местоположении клада шляхтич и, несмотря на конфиденциальность поручения, некоторое количество посторонних людей. Непосредственно «археологические раскопки» проводили сорок крестьян из казённого имения. Источником информации о сокровище послужили неопределённые сообщения «старых людей», что может трактоваться в рамках характерных для «народной археологии» представлений. Местом, где предположительно был спрятан клад, оказалось действующее кладбище, что не смутило организаторов. Клад в итоге так и не был найден. Сообщение Гавриила Ивановича Добрынина любопытно не только подробным описанием процесса поиска, но и тем, что организаторами подобной экспедиции стали губернские власти, а не частные лица. Сам эпизод с упомянутыми анекдотическими подробностями описан мемуаристом с явным расчётом позабавить читателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Добрынин, Г. И.** Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная [Электронный ресурс] / Г. И. Добрынин // Русская старина. – 1871. – Т. IV, № 8. – С. 97–153. – Режим доступа: <https://www.runivers.ru/lib/book4646/57324/>. – Дата доступа: 28.02.2023.
2. **Лобач, У. А.** Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве / У. А. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 510 с.
3. **Чараўко, В. У.** Археалагічныя раскопкі на могільніку каля в. Жарнасекава Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці ў 2013 г. / В. У. Чараўко // История и культура на стыке эпох и цивилизаций: историко-культурное наследие как ресурс и результат развития общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию М. К. Огинского, Минск, 25–26 сент. 2015 г. – Минск : Белнаучкнига, 2015. – С. 122–127.
4. **Чараўко, В. У.** Парушэнне пахаванняў і пахавальная практыка сельскага насельніцтва Беларускага Падзвіння позняга сярэднявечча – ранняга новага часу / В. У. Чараўко // Романовские чтения – 13: сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ им. А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 окт. 2018 г. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – С. 122–123.
5. Щ. Добрынин Гавриил Иванович [Электронный ресурс] // Русский биографический словарь. Т. 6: Дабелов – Дядьковский / изд. под наблюдением А. А. Половцева. – Санкт-Петербург: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. – С. 485. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002921429?page=489>. – Дата доступа: 28.02.2023.

УДК 94(47).043

В. В. Шапошник

ЗАВЕЩАНИЕ ВАСИЛИЯ III И ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ РЕГЕНТСКОГО СОВЕТА ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ¹

Аннотация. Рассматривается вопрос о содержании несохранившегося до нашего времени завещания (духовной грамоты) великого князя Василия III. Очевидно, что наследником престола в завещании объявлялся старший сын государя Иван Васильевич (будущий первый русский царь Иван Грозный). Однако в 1533 г. Иван был трехлетним ребенком и, очевидно, реально править не мог. В историографии утвердилось мнение, что умирающий Василий III передал управление государством до совершеннолетия наследника «регентскому» или «опекунскому» совету. Вместе с тем в последние годы появились утверждения, что «регентства» в Московской Руси не существовало. Автор пришел к выводу о том, что хотя в России того времени не было специального законодательства о регентстве и не использовались термины «регент», «регентский» или «опекунский совет», тем не менее можно

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)». – Режим доступа: <https://rscf.ru/project/22-18-00151/>.